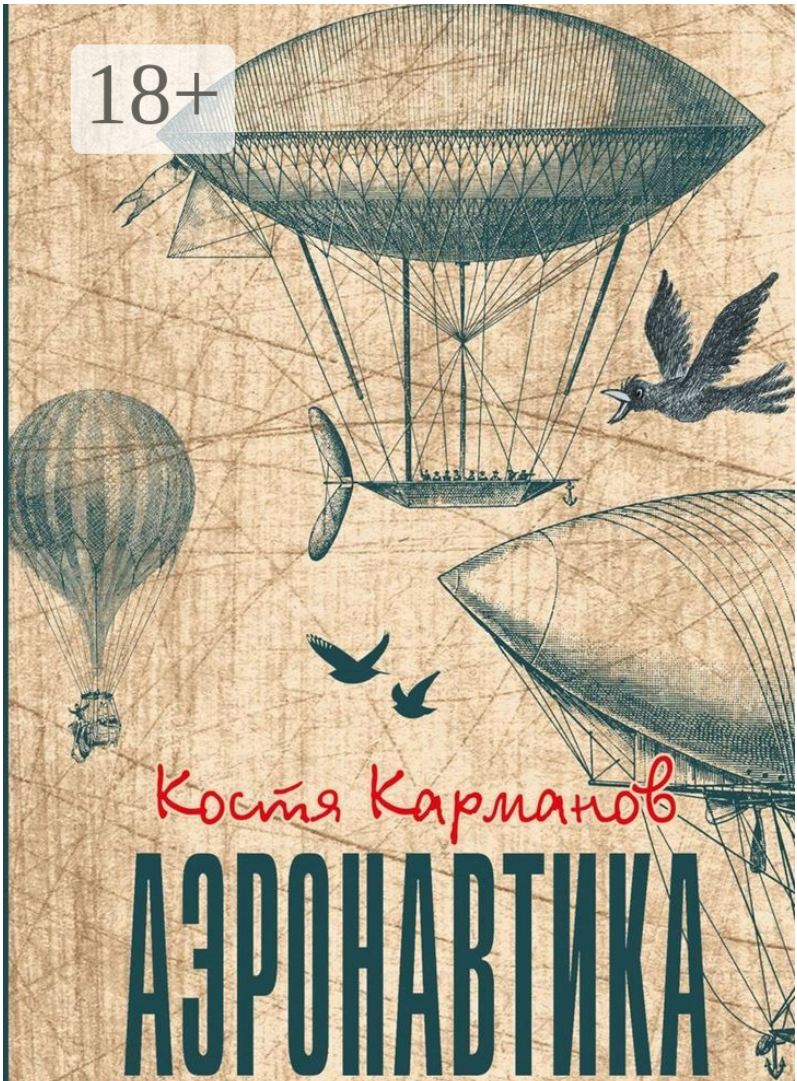

18+

Костя Карманов

АЭРОНАВТИКА

Костя Карманов

Аэронавтика. Рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39144651
ISBN 9785449365989*

Аннотация

Пал Палыч поднимался все выше и выше. Небо становилось все прозрачнее. Самодельный дирижабль, похожий на огромный кусок измятого пластилина, плохо слушался руля, но стремился на восток и вверх всем своим раздутым угловатым телом. Мимо пролетели чайки, насмешливо крича. Пал Палыч преломил буханку черного хлеба и накормил чаек... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Костя Карманов	6
Розовые тапочки	6
Крокодилы	8
Лев	9
Говорящий пенёк	10
За раками	12
Фотограф	13
Чудо – гриб	14
Копченая селедка	16
Хорь	18
Паук с лошадиную голову	20
Трасса	22
Тигро —заяц	24
Волки	26
Бешеный кузнечик	27
Призрачный ветер	28
Кактус	29
Ужас	31
Разве я сторож брату своему	32
Крики птиц звучали зловеще	34
Зной	36
Костя Карманов	37
Аэронавтика	38

Заколдованный циркуль	39
Брахмапутра (печальная легенда)	40
Вдохновение	42
Полковник	43
Художник	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Аэронавтика Рассказы

Костя Карманов

© Костя Карманов, 2018

ISBN 978-5-4493-6598-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Костя Карманов

РОЗОВЫЕ ТАПОЧКИ

Розовые тапочки

Жила была в одной деревне бабуля. Тихо жила, а когда представилась, соседи ее племянницу из города вызвали и передали ей предсмертный письменный привет от старушки.

В котором она пеняла девушке, что ей при жизни конфет шоколадных из города присылать жалела и внука назвала Геннадием, а не как просила в честь деда – Пофнутием.

Но в конце письма, сменяла гнев не милость и указывала племяннице: козу продать, а дом не продавать и еще, что на чердаке столовое серебро барское припрятано, в простенке же иконы монастырские в окладах, а в подполе горшок с золотыми царскими червонцами зарыт.

– Распоряжайся, – пишет, – ими как хочешь! Об одном только прошу: одень ты на меня во гробе тапочки розовые с опушкой, в них и схорони.

Племянница обрадовалась, все драгоценности сразу нашла, в сундук заперла, надела на скрюченные бабкины ноги розовые тапочки и присела отдохнуть возле гроба.

Села задумалась, а сама от розовых тапочек глаз отвести не может. Прямо не тапочки, а птенчики розовые у бабули на ногах сидят. Не выдержала, сняла со старушки тапочки и в сундук с золотом заперла. Думает:

– Зачем бабушке такие птенчики под землей? – так и схоронила.

А ночью вернулась к ней бабка привидением и говорит:

– Эх, Нюрка, зажала ты мне тапочки розовые, а я тебе за это все остальное зажму! – и скрылась в углу.

Племянница утром просыпается в холодном поту от кошмара такого и сразу к сундуку. Отпирает замок, а в сундуке пусто, только на дне розовые тапочки лежат.

Я ее тут недавно видел – ходит по городу в розовых тапочках, зернышки клюет и подмигивает всем хитро.

Крокодилы

Одному мальчику приснился страшный сон, будто крокодилы в зоопарке взбесились и расползлись по городу, кто куда. И теперь, не погулять выйти, ни в магазин за мороженым сходить. И вот он выглядывал из окна, выглядывал, уже проснулся давно, а из дома выйти страшно.

Тогда он решил отцовский дождевик надеть, просто вспомнил, как отец сидит под дождем на рыбалке, рыбу ловит и его в этом дождевике вообще не видно, с берегом сливается.

Вот надел мальчик этот дождевик и пошел. Идет по городу, дождевик за ним волочится, а потом раз и застрял. Мальчик подергал – не отпускает. Мальчик обернуться боится, вдруг там крокодил, и снова дергает. Вдруг откуда не возьмись, раздался голос:

– Ни дергайся, сиди спокойно!

Тогда мальчик проснулся и увидел, что едет в автобусе к бабушке в деревню Крокодилово. Такая история.

Лев

В одной средней общеобразовательной школе гостил цирк. И так получилось, что цирк остался на ночь, и многие дети тоже домой не пошли, а разбрелись кто – куда по классам.

И вот ночью у дрессировщика лев взбесился и дрессировщик стал его укрощать в школьном коридоре.

Ученики испугались, сидят в классах, двери телами хуленькими подпирают, чтобы лев не ворвался. А один мальчик побежал по коридору и тоже дверь за собой закрыл и держит. А дверь прямо ходуном ходит. Мальчик кричит от страха, даже матюгнулся разок, вспомнил пример отца. Потом все затихло.

Мальчик постоял, постоял, потом дверь приоткрыл, выглянул, а за дверью спиной к мальчику лев лежит, и толи умывается, толи грызет что-то, желтый хвост с кисточкой по паркетному полу хлещет.

Мальчик тогда выбежал из школы и начал бегать вокруг – помощи искать. Но помощи не нашел. Было очень темно и тихо.

Говорящий пенёк

На одной улице, неподалеку от холодильного завода рос тополь. Был он раскидист и толст неимоверно. А пух, когда летел с него, весь район слоем по колени покрывал.

И решило начальство спилить тополь к чертовой матери! И спилило.

И вот возвращаюсь я как-то ночью из гостей. Май месяц. На небе звезды, соловей в овраге надрывается. Я на пенёк присел послушать, потом прилег, пенёк то здоровенный.

Лежу, в одно ухо песня соловьиная влетает, а в другое – будто шепот чей-то:

– Эй, дружок, полил бы ты меня водичкой, пить хочется...

Я подумал: Глюк! – ухо почесал и дальше лежу. А он опять:

– Дружок! Пить хочется, полей меня, я тебе отплачу!

Я вокруг оглянулся – нет никого, и тут снова:

– Да это я – пенёк!

Я с него соскочил и говорю:

– Чем я тебя полью, у меня только пива бутылка! – а он отвечает:

– Чем польешь, то и пить потом будешь из моего секретного сучка.

Я недолго думая, вылили пиво на него. Мне показалось, что он даже икнул от удовольствия и говорит:

– Приходи теперь каждую ночь и наливай из этого сучка пива сколько хочешь! – и показал сучок.

Я с тех пор пивом всех друзей угощаю. Все нахваливают – хмельное, сладкое! А я, иногда, думаю, а если бы я его не пивом полил?..

За раками

Стемнело быстро. В камышах заквакали лягушки за любовь. А я же приехал на эту речку за раками. По горизонту беззвучно пробиралась белыми сполохами гроза.

Я надел маску, трубку, взял фонарик, авоську для добычи и вошел в воду. Под водой было тихо, только мое дыхание шуршало.

Раки куда-то все попрятались и это показалось мне странным, особенно, когда я почувствовал, что меня кто-то обнимает сзади ласково и нежно холодными руками.

Мне стало не по себе. Я закрутился в воде и оказался лицом к лицу с зеленоволосой красавицей!

– Зачем ты здесь, хлопец? – спросила она, выпуская пузырьки воздуха, и держа меня за плечи.

– За раками! – ответил я и захлебнулся.

Пришел в себя на берегу. Рядом полная авоська раков.

Вспоминая этот случай, я так ее и называю – Раковая Королева, любовь моя незабвенная.

Фотограф

Пригласили меня как-то пофотографировать похороны. А мне какая разница: что свадьба, что похороны? Пришел, фотографирую старушку во гробе.

А месяц был август, мухи как бешеные! Одна жирная та-кая, села покойнице на щеку и лапы свои потирает. Я жду, пока начешется, жду, жду, аж глаз запотел. И тут старушка хрясь, себя по щеке!

Мне как-то неловко стало, я и говорю:

– Бабушка, не шевелитесь! – а бабушка вылезла из гроба и в туалет пошла. Я, конечно, растерялся, не знаю, что де-лать: толи за ней идти, толи гроб пустой фотографировать.

Как выяснилось потом, она наследников проверить хоте-ла, как они плакать на похоронах будут: горько или не очень?

А мой фоторепортаж с комментариями потом напечатали в газете «Вестник потустороннего мира» в рубрике «Курье-зы», но мне, когда я его читал, вообще смешно не было.

Чудо – гриб

В самой середине центральной площади одного города стал расти чудо – гриб сквозь асфальт. Водители его сначала не замечали, а когда амортизаторы начали ломаться, они властям протест направили.

Власти бульдозер пригнали, но бульдозер, сколько не старался, не смог гриб от дороги отскрести.

Решили подорвать его к чертям, люди собрались вокруг поглазеть, так не взял его килограмм тротила.!

А гриб себе растет, уже, как башня стал!

Попытались подрывать его, но рос он как-видно, чуть ли не из центра земли. Бросили копать.

А гриб все выше и выше, шире и шире. Уже дома, что у края площади стояли – рушиться начали и гостиница вместе с гостями нашего города.

Военные эту тему просекли и говорят:

– Давайте, мы этот гриб на свой гриб заменим! Наш только до определенных размеров растет, и потом его все-равно ветром сдует куда-нибудь западнее!

Но тут зеленые всполошились. Весь гриб своими телами облепили и плакаты растянули:

«Руки прочь от чуда природы!» Военные отступили, но затаились.

И вот здесь-то и появился откуда не возьмись жук-грибо-

ед и с криком: Из праха пришло, в прах и уйдет! – набросился на гриб и давай его точить в отходы перемалывать. Год точил и доточил – таки до конца. Осталась от гриба труха горой с промышленный комбинат. Кто быстро сообразил – набрал трухи, пока один бизнесмен не выкупил у администрации право на утилизацию. Труха то оказалась чудо удобрением, он все в Канаду продал. Но все- равно народ много успел унести. И год потом выдался таким урожайным, что пришлось лишние продукты сельского хозяйства железнодорожными составами в соседние губернии вывозить.

Жители теперь ждут – не дождутся, мечтают, когда снова где-нибудь поблизости чудо-гриб вырастит, чтобы жить стало сытно и весело.

Копченая селедка

Попросили меня как-то дом посторожить. Я думал домик, а оказался замок с башнями и подвалами. Как назло еще гроза разразилась. Я двери все закрыл и пошел на кухню поискать какую-нибудь еду.

На кухне оказалось пусто и гроза за окнами как зверь ревет. А я когда нервничаю, есть особенно хочу, поэтому и рискнул спуститься в подвал, хотя мне и говорили: чтобы не случилось – в подвал не ходи!

А в подвале на жердях колбасы висят, окорока копченые, типа, пршуты иностранные, сардельки охотничьи, прямо, склад деликатесов, а в углу одиноко одна копченая селедка висит. Я сразу вспомнил слова хозяина замка: Если нелегкая тебя все-таки в подвал занесет, бери любую еду, только одну копченую селедку не трогай! Но мне со страшной силой захотелось съесть именно ее. Я протянул руку и снял рыбину с крючка.

Вдруг селедка забилась в руке, упала на пол, стала расти и превратилась в прекрасную смуглую черноволосую деву в платье из прозрачной чешуи и вообще без белья!

– Зачем ты снял меня?! Для потехи? – томно спросила она

– Я голодный и хотел тебя съесть, – как всегда прямолинейно и правдиво ответил я.

– Ты хотел сожрать дочку хозяина замка?! – вскричала

она, – Так не видать же тебе теперь таких барышень, как я! – воскликнула она и хлестнула мне жабрами по глазам.

С тех пор, куда не погляжу, везде девушки, как хорошие белуги и ни одной похожей на копченую селедку.

Хорь

Завелся у соседей по деревне хорь кровожадный, всех цыплят передушил. Ну, они мне его и заказали. Я в своей деревне известный киллер, работаю профессионально. Решаю семейные проблемы, дела с наследством, скотину всякую привожу в надлежащий вид. Все заказчики остаются довольны. Работы я не чураюсь и на этот раз согласился без уговоров.

Пошел я на хоря с голыми руками, только в сапоге серп, а за поясом молот. Подошел к сараю. Над сараем месяц светит ясный, коростель в ночном поле потрескивает. Я и вскричал грозно:

– Эй! Хорь! Пакли кусок! Выходи! – в ответ тишина, видать, затаился. А может в зубах у него кто застрял. Я опять кричу, но уже с подковыкой:

– Хорь! Бастард безродный! Убийца цыплят! Выходи я те кости поломаю!! И заметил краем глаза: тень в лунном свете мелькнула. Я пригнулся... он только лапой задел, красную рубаху, гад, разорвал на плече.

Тогда я разозлился и серп из сапога достал. А он сел передо мной и сказал по хорячьи:

– Си-ку-си то сен-сей Хуяко? – я так понял, что его атака должна была закончиться моей гибелью и он удивлен. А я хладнокровно отвечаю:

– Янь-ку сан-са мои сен-сей Хуяко!

Он глаза вытаращил, а потом мы поклонились друг другу с почтением и разошлись. Потому что последователи одного Учения должны на разных дорогах смерть искать. Такие дела.

Паук с лошадиную голову

Завелся как-то в городе Паук с конскую голову, по прозвищу Эксгибиционист. И начал проказничать. Возвращается, например, поздно ночью девушка из гостей, а этот паук уже паутину незаметную через дорожку натянул. И поджидает.

Девушка невинная в паутине запутается, забьется певчей пташкою, заплачет, тут он выскакивает из засады, хватает и тащит ее по крышам в логово свое. А там замотает паутиной в кокон, только отверстие для лица оставит и ресницы к бровям приклеит, чтобы глаза закрыть не могла, а потом начинает перед ней танцы безобразные показывать.

На утро он девушек за город относил. Их там местное население скоро привыкло находить и в психбольницу сдавать.

И вот парень один решил за свою девушку больную и развращенную отомстить.

Ноги побрил, платище школьное натянул, паричок с косичками надел, взял портфель с пеналом и отправился в ночной город.

Долго он ходил вприпрыжку по ночному городу, весело размахивая портфелем, пока наконец не угодил в натянутую паутину. И забился он тогда певчей пташечкою, заплакал, и поволок его паук в логово свое, где замотал его в кокон. И начал перед ним танцы безобразные танцевать. А парень не тут-то был, не кривился, не кричал, а начал хохотать гром-

ко и насмехаться над непотребными танцами паука.

Смутился Паук с лошадиную голову, застеснялся, сжался весь, стремясь скрыть наготу свою безобразную, а потом бросился к парню и освободил его со словами извинения.

А парень как дал ему пенделя, что паук за город улетел. Там его местные жители подобрали и в психушку определили в отделение энтомологии. А пострадавших девушек всех выпустили, они теперь все в стриптизе работают. Психологическая травма все-таки оставила свой след. Только одна замуж вышла за того парня.

Но пилон у них дома тоже есть. Такие дела.

Трасса

Они мчались на мотороллере по ночной неосвещенной трассе. Пышные кудрявые волосы и короткий белый плащ девушки развевались на ветру. Она крепко обнимала, сжимающего руль, ковбоя, чувствуя ладонями жар, его, разгоряченного алкоголем, желудка. Голову ковбоя украшал металлический шлем с рогами, а ноги – казаки из грубой воловьей кожи.

Маленькие, но крепкие колеса мотороллера, жадно наматывали на себя километры ночного шоссе, которое в народе уже давно прозвали проклятым. По нему уже давно редко, кто ездил, да и то лишь днем. Говорили, что обочине завелась шайка беспредельщиков на инвалидных колясках. Но молодая парочка очень торопилась на рок-фестиваль в полях и не поехала в объезд.

Когда дорогу перегородила баррикада из костылей, мотороллер вильнул и забился судорогами в придорожных кустах. Парочка вскочила на ноги. Завязалась схватка. Ковбой отбивался тяжелыми крагами, матерясь по-английски. Инвалиды падали с колясок и впивались зубами в кожаные сапоги ковбоя. Девушка белой птицей металась в самой гуще схватки и громко пела ви вел рок ю. Потом все замерли, когда девушка выхватила из кожаного корсажа гранату Ф-1.

– Блядь! Всех взорву! – закричала пронзительным голо-

сом девушка. Волны инвалидов отхлынули, под звуки голодных стонов и злобного шамканья.

Мотороллер чихнул и победно картавя, унес парочку по проклятой трассе.

Добыча оказалась не по зубам.

Тигро — заяц

Завелся в лесах Смоленской губернии страшный тигро-заяц. Вроде бы заяц как заяц, только в полоску и здоровый, как бык. И вот он повадился коров у сельчан таскать. Собаками его травили, с дубьем и косами всей деревней облаву устраивали, да не давался им тигро-заяц.

Собрались мужики думу думать, как от такой напасти избавиться и надумали, что тигро-зайца только зарубежный герой одолеть сможет, надо его из-за моря звать, чтобы деревню защитил.

А Федька-Репейник надумал мужиков обмануть. Взять деньги, как будто для зарубежного героя, но никуда их не везти, а себе на пропой оставить. А потом самому героем прикинуться, замочить тигро-зайца и настоящим уже героем стать. Так и сделал.

Деньги взял, в огороде зарыл. Конской сбруей себя обмотал, в навозе весь для маскировки измазался, взял вилы и пошел через деревню. Мужики и бабы из-за заборов глядят, дивятся диву заграничному.

Пришел Федька в лес и кричит:

— Тигро-заяц, выходи, натовский холуй!

Тот себя долго ждать не заставил, прыгнул на Федьку с большой сосны, а Федька в этот момент вилы устал в руках нести и на плечо их забросил. Тигро-заяц на них свои-

ми ушами огромными и повис. Федька, не долго думая, его к земле пригвоздил и говорит:

– Хана тебе! Ты теперь не тигро-заяц, а пидор-заяц. Все уши у тебя в дырках, иди от нашей деревни не позорься, а то хорька спущу, он тебе жопу надерет! – и вынул вилы из ушей.

Деревня потом целый год Федьку даром самогоном поила и огурцами солеными угощала.

А тигро-заяц, говорят, за границей объявился, украшает гей-парды. А Федька дурень деньги в огороде так и не нашел, все перекопал, да там одна картошка гнилая. Этот клад теперь вся деревня ищет. Ему даже название дали – Сокровища Рембо. Такие дела.

Волки

А ведь мне нравились эти апрельские ночи в полях. Когда снега уже нет, так и комаров тоже и навозом уже ободряюще пахнет.

Я шел ночью по проселку. На ногах сапоги, руки в карманах, семечки щелкаю. Поднимаюсь на холм, легкий ветерок в лицо, слышу из-за холма страшные звуки, будто грызут кого-то. Поднялся выше. Оказалось волки. Терзают корову или коня, в темноте не различить.

– Нехорошо, – подумал.

– Мужик, соль есть? – спросили волки.

– Не, я почечник.

– А-а-а...

Я пружинистой походкой олимпийского чемпиона проследовал дальше в поля к зарождающемуся рассвету, к просыпающимся птицам, к болотцам с оранжевыми тритонами. Идущий да обрящет.

Бешеный кузнечик

На колхозном сенокосе завелся бешеный кузнечик. Так мужика одного покусал, что он от боли косой как пропеллером размахивал. Местная знахарка не смогла его в чувство привести. Пришлось мужика в погреб запереть, а на кузнечика управу искать.

Решили кузнечика собаками травить. Так он, гад, собак покусал, а потом всю ночь так громко стрекотал, что деревня заснуть не могла – маялась.

Тогда отнесли в поле бидон самогона, думали – может перепьется? Самогон пропал, кузнечик в деревню ночью наведалься, флаг государственный с сельсовета сорвал, у знахарки все травки сушеные поел и напоследок петуха раскричавшегося зарубил.

Послали тогда к нему на переговоры кузнеца, как дальнего родственника. Долго его не было, думали погиб. А потом они вернулись вдвоем в обнимку.

Пришлось деревне взять кузнечика на полное довольствие. Он там до сих пор живет. С кузнецом на танцах подрабатывает, кузнец на гармошке, а кузнечик на маракасах. Ну и еще стадо охраняет от волков. Волки его боятся, у него ж сабля!

Призрачный ветер

Леночку замучили призраки. Они приходили стаями по ночам, рассаживались вокруг кровати и горланили песни на непонятном языке. Причем, кроме Леночки эти песни больше никто не слышал. Тогда Леночка позвала к себе на ночь соседского Алешку. Алешка в окно влез, прилег рядом на кроватку и заснул, а Леночка опять всю ночь мучилась. Потом у нее все родственники по очереди ночевали, но со сном никто не справился.

И только троюродный дядя из деревни Охряпово не заснул. И когда призраки запели, выхватил балалайку и давай подыгрывать. Призраки схватились за уши и разбежались кто куда по соседям.

Когда Леночка выросла и поступила в МГУ на филфак, то узнала, что призраки пели на датском языке. Непонятно только: каким ветром их нам занесло, наверное, призрачным.

Кактус

Одному моему товарищу, известному аквариумисту, подарили на день рождения кактус. Он подарку удивился, поставил за шторку и забыл. А потом у него рыбки из аквариума пропадать стали. Он не знал что думать, пока не заглянул за шторку...

Зрелище, которое предстало перед его взором, заставило содрогнуться. Весь кактус был увешан прекрасными бездыханными телами мертвых рыбок.

Сотрясаемый слезами друг, снял рыбок с иголок кактуса и похоронил, а потом решил все-таки узнать причину этого страшного явления и остался дежурить у аквариума на ночь.

Он затрясся от страха, когда далеко за полночь шторка на окне отодвинулась и кактус походкой боцмана подвалил к аквариуму и начал перед ним кривляться, к тому же подпевая себе противным сиплым голосом. Своими движениями и песней он доводил бедных рыбок до безумства. Они выпрыгивали из аквариума и попадали прямо на него, нахально выставленные, иголки.

Взбешенный аквариумист схватил кактус и выбросил его в форточку. Кактус в полете громко и грязно матерился, страшно угрожал, пока не скрылся под водой. По иронии судьбы под окошком был пруд. С тех пор караси в пруду перевелись. Говорят экология плохая, даже табличку постави-

ли: Купаться запрещено!

Так получается, что не всякий подарок во благо.

Ужас

За дверью никого не оказалось. Только ночь и что-то скрипело во дворе.

Потап снял с гвоздя двустволку и вышел из дома. Во дворе пахло жасмином и еще чем-то сладким. Скрипела под ветром незакрытая калитка.

Потап вступил во что-то липкое, но проверять что это такой не стал, он догадался, что скорее всего это была кровь. Липкая дорожка тянулась до самой опушки леса. За кустами кто-то чавкал и довольно кряхтел.

Раздвинув ветки Потап увидел огромного медведя, который доедал варенье из эмалированного таза, похищенного из летней кухни. Стрелять Потап не стал, только в сердцах выругался и сказал: «Ну и козел же ты, медведь!» Ужас, ужас! – проухал филин в чаще.

Разве я сторож брату своему

В парке было тихо, только комары еле слышно звенели стеклянными крыльями.

Иван Тимофеевич слушал музыку ночи, сидя на неудобной лавочке без спинки, между ногами стояла трость. Иван Тимофеевич упер подбородок в ее набалдашник и думал о Шопене.

Подошел сторож и попросил закурить. Странно, – подумал Иван Тимофеевич, – ведь здесь никогда не было сторожа, – но папиросу все-таки дал. Сторож попыхал и отдал папиросу назад. Потом достал огромный раскладной ножик и начал махать им перед лицом Ивана Тимофеевича. Тот невозмутимо затянулся и бросив окурочок на землю, раздавил его каблуком.

– Это не мое, – сказал он и зашагал к выходу из парка.

Сторож догнал его, сидя на облучке пролетки, запряженной парой гнедых и преградил дорогу.

Иван Тимофеевич накормил лошадей хлебными крошками из кармана и двинулся дальше к прудам. Сторож пошел рядом, декламируя Маяковского. Настроение испортилось окончательно.

Иван Тимофеевич схватил за шкурку сторожа и забросил далеко в пруд. После, приглушенного туманом бултыхания и слабых криков, наконец-то наступила тишина. Только ко-

мары еле слышно звенели стеклянными крыльями.

Крики птиц звучали зловеще

Крики птиц зловеще разносились над лесом. В шалаше, покрытом еловым лапником сидели двое: доктор в белом халате и шапочке и пациент, одетый по обычному. Доктор протер пенсне и сказал:

– Лечение страхом – новое прогрессивное направление современной медицины...

Кто-то снаружи неосторожно тронул шалаш, от чего тот весь качнулся. Доктор продолжал:

– Когда человек боится, он забывает о болезни, потому что страх за свою жизнь мобилизует все силы организма и концентрирует на спасении, человек забывает о своей болезни.

Летучая мышь влетела в шалаш и лизнула врача в щеку. На щеке выступила кровь. Врач достал носовой платок и приложил к щеке. Пациент сидел также задумчиво смотрел на ружье, лежащее в ногах. Доктор продолжал:

– Открываются внутренние резервы организма и болезнь неминуемо отступает.

Вблизи шалаша раздался многоголосый голодный вой. Пациент, тоскливо и жалко улыбаясь, сказал:

– Я уже чувствую себя здоровым.

Доктор довольно потер руки и сказав: Дело сделано, – вышел из шалаша. Снаружи донеслись звуки убегающих шагов,

рычание, слабый крик, бульканье, рычание и хруст костей. Врач остался до конца верен клятве Гиппократ.

Зной

Зной витал над городом. Асфальт раскалился и поплыл. Машины в нем вязли, загорались и глохли. В фонтанах на дне лежали сварившиеся глупые воробьи и, вообще, редкая птица уже могла долететь до середины хотя бы чего-то. Кошки уже не дремали на солнышке, а обессиленные безжизненно висели на деревьях. И только люди легкомысленно играли в карты в бункере подземного бомбоубежища.

– Делайте ставки, господа! – крупье зловеще улыбнулся. Иван поставил на карту последнюю рюмку воды. Карта оказалась бита.

– Ты проиграл, – на плечо Ивана легла тяжелая рука вышибалы, – Сходи, проветришься.

Крупье хмыкнул. Игра была смертельной.

Костя Карманов
АЭРОНАВТИКА

Аэронавтика

Пал Палыч поднимался все выше и выше. Небо становилось все прозрачнее. Самодельный дирижабль, похожий на огромный кусок измятого пластилина, плохо слушался руля, но стремился на восток и вверх всем своим раздутым угловатым телом.

Мимо пролетели чайки, насмешливо крича. Пал Палыч преломил буханку черного хлеба и накормил чаек.

Потом наступила тишина. Стрелка высотомера застыла на отметке: Очень высоко. Дышать становилось все трудней. Пал Палыч схватился за грудь, но спускать гелий не стал, хотелось подняться еще выше, так высоко, чтобы среди бела дня стали видны звезды. Потом, корчась от удушья, упал на дно корзины и услышал голос:

– Ну и куда ты прешь?

– В небо!.. – прошептал Пал Палыч, рот сводила судорога. Помолчав, чей – то голос сказал:

– Ну, давай.

Ошметки дирижабля нашли, на давно не кошеном совхозном поле, а Пал Палыча никто не нашел.

Заколдованный циркуль

Мария колдовала над циркулем. Совершала над ним: то судорожные, то плавные пасы. Бормотала и тихо завывала. Шептала шипящие и цокала звенящими согласными. Потом привстал и направила бешенные потоки колдовской энергии, исходящие из тонких, жилистых рук, прямо на него.

Циркуль шевельнулся, как-будто во сне. Потом привстал, подломив одну ногу, неловко крутанулся на ней, склонился, как-будто в поклоне и замер.

Мария обессилено уронила руки на стол. Циркуль, в раздумьях застыл в нелепой позе. Момент осознания себя в мире, в бытии на этом покрытом белой льняной скатертью, столе оказался тяжеловат. Как жить дальше? Кого любить, кого ненавидеть, с кем петь песни под Луной? Неужели с этой сумасшедшей огромной девицей он проведет остаток дней? Нет! Только не это!

Циркуль решительно шагнул в сторону открытого окна.
– Куда ты?! – воскликнула Мария
– На кудыкину гору! – грубо ответил циркуль и вышел в окно.

Брахмапутра (печальная легенда)

Ее звали Брахмапутра. Она была обыкновенным, хрен знает чем. Бесформенная, но с лапами, на спине шерсть, на животе живот. Во рту, украшенном сочными губами, длинные клыки и синий язык. А вот глаза у Брахмапутры были удивительной красоты, неземной глубины, когда она ими поводила, облака на небе потрясенно проливались дождями, а дрозды падали в обмороки прямо с веток.

Но появился он – этот бесстрастный красавец – блондин. На которого, ее поволока вообще не действовала. Эгоист и равнодушный бог с холодными голубыми очами. Когда он шел по двору, мимо гаражей, кошки теряли сознание, а женщины с кошелками падали на колени и начинали восторженно рыдать. Такая во дворе случалась какофония.!

Брахмапутра пряталась, за давно остывшей кирпичной трубой домового котельной и следила за ним восхищенным взором.

Потом она решила написать ему письмо с признанием в любви.

– Милый мой, ясный! – писала она, – Как мне жить далее без тебя? Как взаимодействовать с реальностью, если только ты – настоящий, такой родной и далекий. Недоступна мне ласка твоя и губы твои плотно сжаты. Что мне делать – скажи, любимый?!

На что блондин ответил ей коротко и ясно, так и написал на заборе: Иди на..й!

Наполнились слезами прекрасные глаза Брахмапутры, и хлынули ручейки слез, и слились в реку, и потекла река на юг в теплые страны. И называли индусы реку Брахмапутрой, что означает глазастая река.

А во дворе, за трубой, ленивые дворники нашли, в последствии, выброшенную кем-то бесформенную шубу из непонятного меха.

Вдохновение

Так было хорошо, так приятно, бесформенно опрятно стихи текли рекою – живой водой прямо на серые страницы серого блокнота. Поэт Бонапарт Лесников творил. В углах комнаты пряталась темнота. Светлый ореол от настольной лампы надежно защищал поэта от призраков. Бонапарт выводил стихи красивейшими загогулинами. Рифмы подбирались легко и без затруднений, на слово любовь так и просилась кровавая рифма.

Страсть переполняла душу Бонапарта так, что волосы дыбились на голове от поэтического восторга.

– Текут, текут стихи! – иногда вскрикивал поэт, удивляясь и восторгаясь собственному вдохновению. И поток стихов не уменьшался, а наоборот рос, набирался сил и вот уже выплеснулся за пределы блокнота. Длинные руки поэта уже не писали, а загребали стихи, как лопатами.

– А вот еще!.. – кричал поэт. Соседи истерично стучали по трубам, но поэт их протестов не слышал. Творец творил, так и не познав чувства меры. Огромная стихотворная волна накрыла его с головой, какое-то время из океана были видны его судорожно разжатые руки.

Потом волна схлынула и обнажила бездыханное тело поэта распростертого на столе.

Творить не коробки носить, тут увлекаться нельзя.

Полковник

– Жизнь бывает одноразовая и многоразовая, – начал свою лекцию о жизни и смерти полковник ФСБ Григорьев Григорий Григорич. Курсанты аккуратно записывали.

– Одноразовой жизнью наделены, как правило, представители творческих профессий: поэты, писатели, художники – живописцы и еще некоторые музыканты.

– А какие некоторые? – поинтересовался, подающий надежды, курсант Петров.

– Ты, Петров, не перебивай, блядь, а пиши! – грозно заметил полковник.

– Да, я так...

– Так – часто говорит мудака!... Продолжаем... А многоразовой жизнью обладают, как правило, сотрудники спецслужб и спецподразделений, имеющие соответствующую выслугу лет и правительственные награды.

Полковник задумался.

– Для подтверждения этих данных, – продолжил Григорий Григорич, – я приведу пример.

Полковник достал из кобуры табельное оружие и выстрелил себе в голову. Тело обмякло и упало прямо на преподавательский стол. В аудитории все замерли. Прошла минута, другая, потом пол часа, но полковник так и не поднялся. Значит, наград оказалось недостаточно, – подумал курсант

Петров и ехидно улыбнулся.

Художник

Один художник очень боялся свою жену. Бывало она придет с работы в местной администрации и спрашивает:

– Ну, че ты тут?

А он тихо так скромно:

– Да ничего, вот пишу...

– Все пишешь, писатель, лучше бы ты денег нарисовал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.